

(1) Все мы пробыли месяц в запасном полку за Волгой. (2) Мы, это так — остатки разбитых за Доном частей, докатившихся до Сталинграда. (3) Кого-то вновь бросили в бой, а нас отвели в запас, казалось бы — счастливы, какой-никакой отдых от окопов. (4) Отдых... два свинцово-тяжелых сухаря на день, мутная водица вместо похлебки. (5) Отправку на фронт встретили с радостью.

(6) Очередной хутор на нашем пути. (7) Лейтенант в сопровождении старшины отправился выяснять обстановку.

(8) Через полчаса старшина вернулся.

— (9) Ребята! — объявил он вдохновенно. — (10) Удалось вышибить: на рыло по двести пятьдесят граммов хлеба и по пятнадцати граммов сахара! (11) Кто со мной получать хлеб?.. (12) Давай ты! — я лежал рядом, и старшина ткнул в меня пальцем.

(13) У меня вспыхнула мыслишка... о находчивости, трусливая, гаденькая и унылая.

(14) Прямо на крыльце я растелил плащ-палатку, на нее стали падать буханки — семь и еще половина.

(15) Старшина на секунду отвернулся, и я сунул полбуханки под крыльцо, завернул хлеб в плащ-палатку, взвалил ее себе на плечо.

(16) Только идиот может рассчитывать, что старшина не заметит исчезновения перерубленной пополам буханки. (17) К полученному хлебу никто не прикасался, кроме него и меня. (18) Я вор, и сейчас, вот сейчас, через несколько минут это станет известно... (19) Да, тем, кто, как и я, пятеро суток ничего не ел. (20) Как и я!

(21) В жизни мне случалось делать нехорошее — врал учителям, чтоб не поставили двойку, не раз давал слово не драться и не сдерживал слова, однажды на рыбалке я наткнулся на чужой перепутанный перемет, на котором сидел голавль, и снял его с крюка... (22) Но всякий раз я находил для себя оправдание: не выучил задание — надо было дочитать книгу, подрался снова — так тот сам полез первый, снял с чужого перемета голавля — но перемет-то снесло течением, перепутало, сам хозяин его ни за что бы не нашел...

(23) Теперь я и не искал оправданий. (24) Ох, если б можно вернуться, достать спрятанный хлеб, положить его обратно в плащ-палатку!

(25) С обочины дороги навстречу нам с усилием — ноет каждая косточка — стали подниматься солдаты. (26) Хмурые, темные лица, согнутые спины, опущенные плечи.

(27) Старшина распахнул плащ-палатку, и куча хлеба была встречена почтительным молчанием.

(28) В этой-то почтительной тишине и раздалось недоуменное:

— (29) А где?.. (30) Тут полбуханка была!

(31) Произошло легкое движение, темные лица повернулись ко мне, со всех сторон — глаза, глаза, жуткая настороженность в них.

— (32) Эй ты! (33) Где?! (34) Тебя спрашиваю!

(35) Я молчал.

(36) Пожилой солдат, выбеленно голубые глаза, изрытые морщинами щеки, сивый от щетины подбородок, голос без злобы:

— (37) Лучше, парень, будет, коли признаешься.

(38) В голосе пожилого солдата — крупца странного, почти неправдоподобного сочувствия. (39) А оно нестерпимее, чем ругань и изумление.

— (40) Да что с ним разговаривать! — один из парней вскинул руку.

(41) И я невольно дернулся. (42) А парень просто поправил на голове пилотку.

— (43) Не бойся! — с презрением проговорил он. — (44) Бить тебя... (45) Руки пачкать.

(46) И неожиданно я увидел, что окружавшие меня люди поразительно красивы — темные, измученные походом, голодные, но лица какие-то граненые, четко лепные. (47) Среди красивых людей — я уродлив.

(48) Ничего не бывает страшнее, чем чувствовать невозможность оправдать себя перед самим собой.

(49) Мне повезло, в роте связи гвардейского полка, куда я попал, не оказалось никого, кто видел бы мой позор. (50) Мелкими поступками раз за разом я завоевывал себе самоуважение — лез первым на обрыв линии под шквальным обстрелом, старался взвалить на себя катушку с кабелем потяжелей, если удавалось получить у повара лишний котелок супа, не считал это своей добычей, всегда с кем-то делил его. (51) И никто не замечал моих альтруистических «подвигов», считали — нормально. (52) А это-то мне и было нужно, я не претендовал на исключительность, не смел и мечтать стать лучше других.

(53) Больше в жизни я не воровал. (54) Как-то не приходилось.

(По В. Ф. Тендрякову)